

Кино, война и любовь

КРУПНЫЙ ПЛАН

Этому убеленному сединами, подтянутому, легкому человеку, которого вы видите на снимке в центре, 8 марта исполняется 90 лет. Встретить столь почтенный возраст в добром здравии, с ясной головой и творческим потенциалом удается немногим, а вот Николаю Александровичу Гендлину удалось.

«ВОЖДЬ КРАСНОКОЖИХ»

Первое знакомство с Гендлиным случилось у меня почти полвека назад. Его дочь Ира, с которой мы вместе учились, пригласила отца показать на школьном вечере свои фильмы. И вот в зал зашел красивый мужчина, чем-то похожий на популярного кинодокументалиста Романа Кармена. Принес треногу и странный кинопроектор, который надо было крутить ручкой. С помощью этого агрегата он продемонстрировал нам два или три короткометражных немых фильма. Больше всех понравился «Вождь краснокожих». Ребята от хохота со стульев падали. Это была первая в России экранизация рассказа О'Генри задолго до гайдаевской, и мне она всегда казалась самой удачной. До сих пор уверен, что это – вершина творчества Гендлима.

ЖИЗНЕННОЕ КРЕДО

Можно выслушать массу разных мнений о том, что надо делать, чтобы жить долго. Мудрейший Расул Гамзатов сказал короче всех о том, чего следует избегать: «Делать нелюбимую работу, с нелюбимой женщиной жить». Гендлин согласен с ним на все сто.

– Только две самые любимые работы, они же и страстные увлечения, заполняли мою жизнь, – признается Николай Александрович, – кино и журналистика. А то, что из газеты я уходил на телевидение, а потом снова возвращался к перу, – так это все из-за того, что уж очень хотелось начальству меня согнуть, заставить петь не своим голосом. И только две любимые женщины наполнили радость мою жизнь: Аня, с которой мы прожили 40 лет до ее последнего часа, и Оленька.

«НЕ ЛЮБЛЮ ВОЕННЫЕ МАРШИ»

В эту гармонию судьбы, впрочем, никак не вписываются четыре военных года.

Николай Гендлин с той суровой поры терпеть не может военные марши. Не склонен романтизировать войну, как некоторые фронтовики. Служил офицером, был артиллеристом и политруком, дошел до Германии. В канун празднования пятидесятилетия Победы Гендлин принес в редакцию «Северного края» свои фронтовые дневники, которые вел изо дня в день, при этом очень рискуя попасть в штрафной батальон. Семь фрагментов из этих бесценных записей газета в течение полугода публиковала под рубрикой «Дневник артиллериста». Вот один из них:

«Южный фронт. Март 1942 года. Наступили весенние дни. Грязь по колено. На поле, по которому наступают пехота, талая вода и дует злой, холодный ветер. Немцы, хорошо укрепившиеся на Безымянной, ведут шквальный огонь из пулеметов. Подойти к их укреплениям нет никакой возможности, а мы, артиллеристы, все не можем подавить огневые точки врага. Наши солдаты лежат в жидкой грязи, не поднимая головы.

Мимо позиции возвращаются раненые, некоторых ведут санитары, многих несут...

А сколько осталось навсегда у выскочки! На войне труднее и страшнее всего, конечно, пехоте. Сколько надо мужества, чтобы бежать, идти, ползти по этой

засасывающей грязи вперед на пулеметный огонь! Я не говорю «отваги», «смелости». Таких понятий на войне, по-моему, просто нет. Есть страх перед командиром (попробуй не подняться и не побегать вперед!). Есть чувство общей беды, ненависти к врагу. Есть еще наркомовские сто граммов, которые старшина выдает перед наступлением каждому солдату».

Были, конечно, в тех дневниках и записи о жизни между боями, о долгожданном наступлении, о концерте в захваченном немецком фольварке, где на чудом сохранившемся «Беккере» Николай Александрович играл для солдат Чайковского. Надо сказать, Гендлима Бог миловал. Отделался двумя контузиями.

– Я ведь не прятался, – как бы оправдывается мой собеседник. – Все время был на батарее с солдатами, каждый день арналет, одного убило, другого ранило. Жили одним днем. Радовались, что день прошел, а мы живы. Просто удивительно, что мы сидим сейчас с тобой и спустя 60 лет об этом разговариваем. В Ярославле, где жил перед войной с Аней и родителями, вернулся без единой царапины.

Странно, но самым ярким событием в своей жизни за весь двадцатый век Николай Александрович считает не войну, а реабилитацию отца.

РОДИЛСЯ В ЦАРСКОЙ ССЫЛКЕ

– Я родился в царской ссылке, – удивляет меня в очередной раз Николай Александрович. – Отец был профессиональный революционер, политкаторжанин. В 1906 году его отправили в кандалах за Полярный круг в Курейку на 10 лет. А в 1916-м их с мамой, тоже ссыл-

ной, перевели на поселение в Енисейск, где и родился ваш покорный слуга.

Потом семья смогла переехать из Сибири в Ростов-на-Дону. Там папа был видным партийным и советским работником. Подростком я ездил с отцом отдыхать в санаторий старых большевиков «Красная Пахра», и он меня познакомил со знаменитой Верой Фигнер и ее другом политкаторжанином. Чуть позднее, в Ялте, я видел Горького, вернувшегося с Капри.

В Ярославль отец с матерью перевелись, чтобы быть поближе к сыну, когда я поступил учиться в Московский полиграфический институт. Наступил мрачный 1937 год. Отца по какому-то сфабрикованному обвинению уволили с должности председателя облместпрома, выгнали из партии, отобрали квартиру. И мы уже знали, что за этим последует. ГУЛАГ! А может, и расстрел. Отец, как опытный конспиратор, тихо уехал к брату в Астрахань, и там его не нашли. Мама поселилась у московских друзей в Малаховке.

Меня вызвал секретарь комитета комсомола института Брауде: «Ты должен публично отречься от отца!» Я наотрез отказался: «Отец честный, заслуженный человек!» А тогда из института запросо выгоняли всех не отрещившихся детей «врагов народа», но я пошел к секретарю парткома Воропаеву, и тот меня поддержал: «Стои на своем!»

Год спустя отца реабилитировали, восстановили в партии, дали квартиру в Ярославле. Это была как страшная сказка со счастливым концом. Вот потому и врезались в память 37-й и 38-й годы.

(Окончание на 2-й стр.)

Кино, война и любовь

(Окончание.)

Начало на 1-й стр.)

КИНО ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Среди людей довоенного поколения страстные любители кино не редкость. Телевидения ведь не было, а звуковой кинематограф только зарождался. Николай Александрович – особая статья. У него любовь к синематографу не потребительская, а творческая с детских лет, когда будущий мэтр любительского кино из фанеры сделал первый свой фотоаппарат. Кстати, оказывается, и первый игровой кинокапустник студии «Суррогат-фильм» «Остров смерти», где роли дикарей исполняли «северяне» Виктор Куралпин, Евгений и Галина Кулешовы, наш корреспондент отдела писем Инна Копылова-Коротаева, сборкор всесоюзного радио Герман Седов и сборкор ТАСС Виктор Дынин, был снят с помощью самодельной фанерной кинокамеры.

Эта любовь выразилась не только в создании собственных фильмов, но и в уникальной коллекции фильмокопий, живой истории отечественного и зарубежного кино, начиная с ленты Люмьеров «Прибытие поезда», комедий Пате, Чарли Чаплина, Макса Линдера, фильмов Эйзенштейна. Из этой коллекции в год столетия кинематографа Гендлин создал фильм-ретроспективу «Очарование иллюзии» и показал его в Ярославле в «Доме муз». Народу тогда к хозяйке «Дома» Ариад-

фото из архива И. Копыловой.

Члены студии «Суррогат-фильм» обсуждают очередной сценарий. Второй слева – Николай Гендлин, крайняя справа – корреспондент «Северного рабочего» Инна Копылова.

не Соколовой набилось, как сельдей в бочку: Стульев не хватило, сидели на полу.

ХОЧЕТСЯ ЖИТЬ И ЖИТЬ

Страсть к кино дала начало другой любви, в которой и поныне Николай Александрович черпает силы. В газете «За тех-

нические кадры» работала студентка ЯГТУ Оленька.

Красивая, возвышенная, романтическая. Прекрасный знаток поэзии «Серебряного века», умелый исполнитель стихов Цветаевой, Ахматовой, Пастернака, Самойлова. Снимала кино в киностудии «Квант» и в фильмах Гендлина снималась...

И вдруг узнаем, что шестидесятипятилетний Гендлин женится на двадцатипятилетней Оленьке. Знакомые были ошарашены, как им казалось, неравным браком. Не все верили в этот союз. А вот уж и серебряная свадьба позади.

– В 1980 году, когда умерла Аня, я лежал в больнице, – вспо-

минает Николай Александрович, – «квантовцы», конечно, навещали. Приходила и Оля. Тогда познакомились поближе. Много оказалось у нас общего по интересам, наклонностям. И вот теперь живем очень дружно, интересно. Молодая, красивая, любимая женщина. Это такой подарок судьбы. Хочется жить и жить.

Он и в самом деле начал жить заново. Фонтанировал идеями. Каждый год в библиотеке имени Лермонтова собирались друзья на премьеру его нового фильма.

Да что я в прошлом времени! Как-то встречаю в городе. Он – с камерой. Какой-то весь окрыленный: «Снимаю фильм о старых, исчезнувших кинотеатрах города: «Летнем», «Горне», «Луче», записываю старожилов. Ведь с этими кинотеатрами у людей молодость, любовь связаны. Интересно!»

А на днях порадовал: «Внук мой, Митя Сандлер, сплавлялся летом в Саянах по Кызыл-Хему. Снял фильм. И получил только что «Гран-При» на фестивале туристских фильмов в Петербурге. Кадр один меня просто поразил: катамаран ныряет с порога и исчезает в водовороте вместе с людьми. Потом выныривает. Я снимал сплав на Казыре в 67-м. Меня к мачте, как Одиссея, привязывали, чтобы с камерой не нырнул. Страху не терпелся больше, чем на фронте. Но такого, как Митя, снять не удалось!»

Жизнь продолжается...

Андрей СОЛЕНИКОВ.